

- Сінькова, Людміла. „Чалавек і гісторыя ў мемуарах Янкі Жамойціна”. *Тэрмапілы* 2003, . № 7, сс. 106-110 [Sin’kova, Lyudmila. „Chalavyek i historyya w myemuarakh Yanki Zhamoytsina”. *Termapily* 2003, № 7, ss. 106-110].
- Сінькова, Людміла. „Актуальныя праблемы выкладання беларускай літаратуры 80-90-х гг. XX ст.”. *Тэорыя і практыка навучання мовам, літаратурам і рыторыцы ў сярэдняй і вышэйшай школе*. БДУ, 1998 [Sin’kova, Lyudmila. „Aktual’nyya prablyemy vykladannya byelaruskay litaratury 80-90-kh hh. XX st.”. *Teoryya i praktyka navuchannya movam, litaraturam i rytorytsy w syarednyay i vysheyshay shkolye*. BDU, 1998].

*Dr hab. Beata Siwek, prof. KUL
Instytut Literaturoznawstwa KUL
Katedra Literatury Rosyjskiej,
Ukraińskiej i Białoruskiej
e-mail: beata.siwek@kul.lublin.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0742-3431>*

Алла Витальевна Громова. *Проза Б.К. Зайцева: поэтика жанра и стиля*. МГПУ, 2018, 404 сс. [Alla Vital’yevna Gromova. *Proza B.K. Zaytseva: poetika zhanra i stilya*. MGPU, 2018, 404 ss.].

DOI: <http://dx.doi.org/10.18290/rh20687-14>

А.В. Громова известна своими публикациями о творчестве эмигрантов I волны русского рассеяния – И. Бунина, А. Ремизова, Л. Зурова, Б. Зайцева и многих других. Стоит отметить, что творчество Б. Зайцева вызвало глубокий интерес и в Польше (статьи и монографии Б. Вегнерской, М. Сидор, З. Куцой, М. Матецкой, И. Малей, И. Мянновской и других исследователей).

Монография Громовой *Проза Б.К. Зайцева: поэтика жанра и стиля* вышла в Москве в 2018 году. В ней проводится анализ жанрово-стилевого своеобразия творчества автора *Путешествия Глеба*. Справедливо звучат во Введении монографии слова ее автора: «Зайцев соединил в своем творчестве традиции культуры Серебряного века и православные искания эмиграции» (5). Монография Громовой состоит из двух разделов, посвященных творчеству Зайцева – с 1901 по 1922 год и его творческим исканиям периода эмиграции (1922-1972).

В разделе первом внимание Автора сосредоточено на зайцевской лиризации прозы, как и на ее импрессионистичности, а также жанровой поэтике. Громова справедливо анализирует лиризацию как ведущую стилевую тенденцию прозы Зайцева, связанную с импрессионистическим стилем, особой формой представления авторской субъективности. Выделяя в импрессионистическом стиле такие факторы, как лиризацию прозы, ослабление сюжета, повышенную роль ассо-

циативных связей и деталей, а также усиление авторского начала, Громова в качестве примеров анализирует зайцевские рассказы *Тихие зори*, *Полковник Розов*, *Миф*, *Волки*, *Мгла*, *Сон*, а также *Хлеб, люди и земля*, *Черные ветры* и другие. Зайцев, рассказы которого справедливо названы В. Брюсовым «лирикой в прозе», лишив свои рассказы бессюжетности и безгеройности, придал им живописность, проявляющуюся в разнообразии цветовых гамм, а также умело очеловечил природу. Громова отметила в зайцевских рассказах подлинную связь человека с миром, благодаря которой даже смерть в прозе этого писателя лишена трагизма. Она наполнена внутренним смыслом и воспринимается как переход в светлый мир. У Зайцева, несомненно, происходит слияние человеческой жизни с природой, на это обратила внимание Громова, ссылаясь также на исследования М. Бахтина.

В первом разделе монографии Громовой представлены черты идиллии в первых рассказах Зайцева, показаны также первые опыты других повествовательных форм таких, как новелла, роман и повесть. В них Зайцев не только обозначил свой идеал, но и другой тип героя, истинного носителя духовности (*Дальний край*), воплощенной в образе «дальнего края». Из анализа, проведенного Громовой, явно вытекает идеализм Зайцева, все его герои в конце концов обращены к религиозным исканиям. Вера – это прочный нравственный фундамент героев произведений Зайцева. Громова справедливо считает повесть *Голубая звезда* Зайцева его итоговым наиболее выразительным произведением дореволюционного творчества. Фамилия главного зайцевского героя Христофоров связана ведь с Христом, что в конечном счете обозначает определенные поступки героя, его праведность. Хочется отметить, что не случайно в произведениях разного жанра Зайцева часто появляются такие слова, как «благо», «милость», «смирение», «кротость», «сочувствие», «истина» и словосочетания: «дай Бог», «да и хранит Вас Господь», «Слава Богу», «благодарю Бога» и другие. В «путнике» Христофорове (тип зайцевского героя) отражен идеал писателя – голубая звезда Вега, в которой налицо отзвуки соловьевской мистики. Громова справедливо отметила также отражение темы любви в *Голубой звезде* в духе идей В. Соловьева, его толкованию отношений «Бог – человек – мир», давшему писателю толчок к вере и многоаспектному восприятию сути православия.

В главе, посвященной эстетике неореализма в творчестве Зайцева 1917-1922 годов, Громова подчеркивает лиризм сборника *Улица св. Николая* и сосредотачивает свое внимание на зайцевском сборнике *Рафаэль* и трех ключевых его произведениях *Рафаэль*, *Карл V* и *Дон-Жуан*, в которых автор явно погрузился в европейскую историю и искусство. Тем способом, что справедливо отмечено в исследовании Громовой, Зайцев ищет спасения в вечных ценностях культуры. Подчеркнем, что гражданская война внесла в жизнь писателя много потрясений – гибель племянника, расстрел пасынка, смерть отца, затем пребывание в аресте на Лубянке, тяжелая болезнь брюшным тифом – все это обрушилось на Зайцева одновременно. Громова справедливо обратилась к анализу образов мировой культуры, ибо

и в этих произведениях Зайцеву удалось показать свое мироощущение, объединяющее мистико-философские идеи В. Соловьева с его христианскими взглядами.

Творчеству периода эмиграции (1922-1972) посвящен второй раздел монографии. Полувекковая жизнь писателя в эмиграции была насыщенной, что отразилось и в исследованиях Громовой. Она уделяет внимание его автобиографическому роману, как и художественно-документальным жанрам, а также публицистике и эпистолярным многогранным творчеством писателя. Интерес представляет анализ зайцевской тетралогии *Путешествие Глеба*, которую сам писатель считал наполовину автобиографией – со всеми преимуществами и трудностями жанра. Громова, исследуя особенности жанровой поэтики зайцевской тетралогии, считает это произведение жанром автобиографического романа, присущего и распространенного в русской литературной традиции XIX-XX веков. Справедливы ее выводы о том, что Зайцев пользуется традиционной формой повествования, применяет и такие новаторские художественные открытия XX века, как импрессионизм, а также, в некоей степени, феноменологическую поэтику. Громова последовательно проводит анализ книги *Преподобный Сергей Радонежский* в русле жанра художественной биографии с ее разновидностью биографии, связанной с житийной традицией. Хочется отметить, что, несомненно, свет на русскую святость и духовность пролили жития Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского, как и Амвросия Оптинского. На присутствие древнерусских традиций в русской литературе указывал в своих исследованиях Рышард Лужны, обращая внимание на факт современного перевоплощения киевского *Хождения игумена Даниила в Источник воды живой* – протоиерея эмигранта В. Лукьянова. В эту традицию вписывается и творчество Зайцева.

Громова проводит анализ еще одной разновидности жанра художественной биографии – биографий русских писателей XX века – *Жизнь Тургенева, Жуковский, Чехов*. Исследователь отмечает новизну жанра беллетризованной биографии, а в ней повышенный интерес к нравственно-религиозному миру личностей. Важно, что в зайцевских толкованиях фактов и оценках творчества писателей проявляется также позиция автора и его мироощущение. Художественные биографии в свете проведенного анализа Громовой можно справедливо считать одним из пластов мемуарно-автобиографического творчества Зайцева.

Автобиографизм ярко проявляется также в жанрах мемуарного очерка и литературного портрета. На фоне изучения мемуарных жанров в литературоведении Громова анализирует жанровое своеобразие литературных портретов Зайцева, стремящегося изображать человека объективно, включая в текст документы, характеристики героев, ссылаясь на мнения других лиц. Громова выделяет у Зайцева краткость его очерков и зарисовок-описаний, прием других характеристик, как и автохарактеристик (к примеру, очерк об Андрееве из книги *Москва*). У Зайцева нет развернутых сцен описаний, он применяет импрессионистические зарисовки, используя пейзаж, цветовую гамму. В портретах Блока

и Белова в книге *Далекое* налицо одаренность и талантливость, даже «избранность» этих творцов. Однако Громова справедливо определяет сущность их личностей, проявляющуюся в духовных заблуждениях, негативно влияющих на судьбу и творчество. В анализе других литературных портретов (А.Н. Бенуа, К.В. Мочульского, П.П. Муратова) Зайцев включает культурные реминисценции, и в этом случае портрет становится одним из приемов поэтики. Интересны наблюдения исследователя о некоторых разновидностях жанра некролога, рассматриваемых как своеобразие литературного портрета. Справедливы замечания Громовой о том, что: «Некролог не всегда разворачивается в объемный, многосторонний портрет. ... он тяготеет к лаконизму и представляет собой как бы зерно возможного портрета» (243).

Громова уделяет внимание и путевым циклам Зайцева (*Италия, Далекое, Прованс*). В них, как доказывает исследователь, широко осмыслен исторический вопрос о соотношении «цивилизации» и «культуры». Традиции древнерусского жанра хождений проявляются в зайцевских книгах *Афон* и *Валаам*, и в них писатель обновляет этот жанр. Громова сосредоточила свое внимание и на дневниковых формах в публицистике Зайцева (цикл *Странник*, дневниковые очерки *Дни*). Важна констатация исследователя о том, что дневниковые формы представлены Зайцевым в своеобразной лирической публицистике. Важное место в зайцевском наследии составляет его переписка, которую можно рассматривать и как особый документальный жанр творчества писателя. Письмам Зайцева, как справедливо доказывает Громова, характерна полижанровость и полистиличность. От себя добавим, что они отражают внешнюю духовность писателя, его религиозное самовыражение.

Констатируя, монография А. Громовой – это серьезное научное исследование, позволяющее осмыслить в творчестве Зайцева совмещение смежных полей – художественной литературы, его литературно-критических статей, очерков, воспоминаний о собратях по перу, духовных лицах. Особенности жанровой системы и стилевое своеобразие зайцевского наследия обусловлено лиризмом дарования. В доэмигрантской прозе ярко выражен лиризм и импрессионистичность, в эмиграции – доминанта художественно-документальных жанров. Главное, что Громовой удалось передать дань уважения и любви к Зайцеву, его писательскому и внелитературному дарованию, а также сугубо человеческим чертам и достоинствам характера. Это также яркое и нужное свидетельство глубокого интереса к творчеству певца русского православия (так он назван в заглавии польской монографии о писателе) или «просто святого человека» (слова А. Белого).

Prof. dr hab. Joanna Mianowska
prof. em. UKW w Bydgoszczy
e-mail: miano@wp.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-053X>